

Глава 2. РАБОЧИЙ КЛАСС В УСЛОВИЯХ «ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА»

На протяжении всего советского периода господствовало ложное представление о рабочем классе как активном стороннике большевистского режима в годы революции и гражданской войны. Хотя и были известны некоторые факты забастовочного движения, но их интерпретировали как незначительные эпизоды, не имеющие отношения к истинному пролетариату, иначе могла быть поставлена под сомнение идеологическая основа советского государства, называвшегося государством диктатуры пролетариата.

«На фабриках и заводах наблюдается охлаждение к Советской власти. То, что Советская власть теперь делает по отношению к рабочему классу, противоречит общей линии поведения, всему тому, что было раньше. Между Советской властью и рабочим классом назревает антагонизм, который нельзя считать единичным явлением...»¹, — так была охарактеризована обстановка, сложившаяся к весне 1918 г. одним из членов Петроградского Совета профсоюзов. Начался новый этап в борьбе рабочего класса за свои права в постреволюционных условиях, который вылился в многочисленные стачки и забастовки. В подавляющем большинстве случаев стихийные и под чисто экономическими лозунгами. Как правило, причиной прекращения работы было тяжелое продовольственное положение, невыплата заработной платы, открытый произвол со стороны партийных и государственных чиновников.

Забастовочное движение

Протесты рабочих, как и постоянные крестьянские выступления, являлись повседневным, будничным явлением в политической жизни большевистской России. Причем, нередко, они возникали на крупных предприятиях с традициями рево-

люционной борьбы, являвшихся опорой большевиков до прихода к власти. Таким типичным примером стихийного выступления масс были события в Ярославле. Хотя в течение 1918 г. закрылись многие текстильные фабрики из-за отсутствия сырья, Ярославская мануфактура еще могла работать, используя старые запасы. Тем не менее, с 27 ноября по 4 декабря 1918 г. из-за забастовки 13 тысяч рабочих она не работала. Недовольство нарастало постепенно. Уже в августе-сентябре ощущалась острая нужда в продовольствии, была даже попытка остановить фабрику, но фабзавкому удалось тогда успокоить рабочих. Во главе фабзавкома с апреля 1917 г. стоял известный большевик Д.Н. Скотников (член партии с 1912 г.), но и с его авторитетом без изменения ситуации с продовольствием нельзя было остановить недовольство. На эти настроения, как показало следствие, наложилась и общая обстановка в городе — атмосфера террора, созданная Ярославской губчека и частями штаба корпуса ВЧК, необоснованные аресты членов фабзавкома, недоверие к советским органам². У забастовщиков не было конкретных требований, не было руководства. Как только приехавший представитель ВЦИК поставил ультиматум: или рабочие выходят на работу или их увольняют (о каком-то изменении условий речь ни с одной из сторон не шла), забастовка закончилась.

Весной 1918 г. стали организовываться первые политические организации рабочих, противостоявших пробольшевистской позиции профсоюзов и советов. Изучение собраний уполномоченных как формы рабочего движения еще только начинается. Еще в 1982 г. в Париже в серии «Изучение новейшей русской истории» был издан сборник документов «Народное сопротивление коммунизму в России. Независимое рабочее движение в 1918 г.». В него вошли резолюции и указы собраний уполномоченных, сообщения в газетах. Их явно недостаточно для создания полного представления об этом событии. Судя по отсутствию исследований на эту тему, скорее всего трудности связаны именно с ограниченностью на сегодняшний день источников.

Сначала собрание уполномоченных фабрик и заводов было организовано в «колыбели русской революции» Петрограде, а затем в ряде крупных промышленных центров: Москве, Туле, Нижнем Новгороде, Сормове, Твери и др. «Нашим именем прикрылась власть, враждебная нам, власть противонародная, власть принесшая нам только муки и бесчестье... Вместо социализма — опустевшие заводы, остывшие печи, тысячи безработных, нищета»,³ — говорилось в наказе делегации собрания уполномоченных фабрик и заводов Петрограда к московским рабочим.

Г.Е. Зиновьев пытался перевести движение уполномоченных на большевистские рельсы. Он стал приглашать на специально созданные районные совещания при советах представителей рабочих отдельных предприятий. Такой опыт был проведен в Рождественском районе Петрограда. Были расклеены призывы Петросовета прийти на совещание, на котором рабочие могли бы объединиться, чтобы обсудить свое положение. Совещание состоялось, но в дальнейшем они не проводились.

9 июня в Сормове по инициативе рабочих была созвана конференция, на которой присутствовали представители от 74 тысяч рабочих Нижегородской и части Владимирской губернии. Она была разогнана. Против безоружных делегатов был открыт огонь, были жертвы. Несмотря на это, 10 июня делегаты вновь собрались и конференция приняла ряд постановлений и резолюций. В резолюции по текущему вопросу ставилась задача скорейшего созыва Всероссийского рабочего съезда. Резолюция по продовольственному вопросу выдвигала требование обмена монополии и твердых цен. свободы закупок, свободной деятельности кооперативов. Было избрано Бюро, в которое вошли представители Нижнего Новгорода, Канавино, Сормова, Кулебак, Выксы, Павлова, Ворсмы (Нижегородская губ.). Вязников, Коврова, Муром (Владимирской губ.). Впоследствии в Бюро вошли также представители меньшевиков, эсеров и Бунда. Конференцией была принята резолюция о невозможности в создавшихся условиях работать в советах и необходимости выхода из них. Было также решено открыть

широкую кампанию за перевыборы правлений профсоюзов. Уже под эгидой бюро 18-20 июня прошли забастовки на заводах Тулы, Нижегородской и Владимирской губерний. Свою солидарность бастующим выразили крестьянские съезды и сходы в Княгинине, Городце, Дальне-Константиново⁴

28 июня в Москве состоялось совещание представителей рабочих организаций Петрограда, Тулы, Ярославля, Нижегородской и Владимирской губерний, Сормова, Малышевского района, Брянска, Твери и др. Совещание единодушно высказалось за созыв рабочего съезда 20 июля в Москве. Был избран оргкомитет съезда и принято решение начать на местах выборы делегатов на съезд, по одному делегату на 5 тыс. рабочих.

Съезд было решено провести легально, не смотря на арест в начале июля 56 членов Московского собрания уполномоченных. Были разосланы официальные приглашения всем социалистическим партиям, в том числе РКП(б), с предложением прислать делегатов.

Съезд открылся вечером 22 июля под председательством меньшевика Р.А. Абрамовича, а 23 июля во время второго заседания все участники, 35 человек, были арестованы. Комиссаром ВЧК Р.И. Этиным был произведен обыск и изъяты рукописные протоколы съезда. Вот как описывал арест очевидец: «Не прошло и получаса с открытия заседания, как в коридоре раздался топот бегущих людей». Об Этине: «маленький человек с обезьяньим личиком, в съехавшей на затылок крошечной шляпке и с револьвером на прицел в вытянутой руке. Вслед за ним, тяжело топоча ногами, ворвались и буквально запрудили все помещение латышские стрелки, с винтовками наперевес, с нагайками за поясом и с ручными гранатами (!) на поясах»⁵.

По показаниям Р.А. Абрамовича, помимо формальных вопросов (регламент и т. п.) и отчетов с мест успели заслушать лишь два доклада по первому пункту повестки «Организационный вопрос» и лишь только перешли к дебатам по докладам, как были арестованы⁶.

Успевшие выступить на съезде делегаты говорили о царящем терроре, о необходимости перевыборов советов проф-

союзов, о забастовках на своих заводах. Рабочий Кулебакского завода Уханов рассказал о том, что свои собрания они проводят в лесу, делегаты конференции, состоявшейся в Нижнем Новгороде, арестованы. Рабочие завода уже полтора месяца не получают продуктов и жалованья.

Делегат от Коломенского завода В. Кац сообщил, что в новом совете большинство получили меньшевики и эсеры и только один большевик, но власти не дали собраться этому совету. В правлении профсоюза также большинство принадлежит оппозиционным партиям и только один большевик. В Туле в ответ на репрессии рабочие ответили стачкой с требованиями освобождения арестованных, созыва Учредительного собрания, отставки Совнаркома, говорилось в выступлении Тульского делегата Вулканова.

Выступления на съезде показали, что доверие к большевикам среди рабочих подорвано. Советы и профсоюзы, проводящие официальную линию, также не пользовались авторитетом среди рабочих. Только репрессии и откровенный нажим со стороны власти позволяли сдерживать процесс организации нового рабочего движения, использования им советов для завоевания большинства и таким путем проведения своих, пока еще не сформированных, требований. (Последняя фраза, на которой обрывается протокольная запись «арестованного» съезда: «Рабочие обращаются к нам с вопросом: что делать дальше?») ⁷

Уже 24 и 25 июля в «Известиях ВЦИК» были опубликованы клеветнические сообщения о работе съезда. Был использован испытанный способ — опорочить представителей рабочего движения в общественном мнении. Съезд был назван «тайным контрреволюционным заговором» «зажиточных элементов», «интеллигентов» и т. п., на который собрались представители «меньшевистских и эсеровских фракций». Выступая на Пленуме Петроградского Совета профсоюзов Д.Б. Рязанов заявил: «Из Москвы к нам доносятся панические слухи. Там на второй день заседания арестована конференция и отчет об этом в газетах несомненно написан рукой охранника или по-

лицейского... Арестованы такие товарищи как Волков, Абрамович и др., с которыми мы долго боролись в одних рядах»⁸.

Политических ярлыков показалось мало, поэтому было сообщено, что у арестованных нашли большие суммы денег. Так, у рабочего электростанции 1886 г. Берга якобы было найдено 6 тыс. руб. (в действительности всего 590 руб.), у Ю.С. Лейкина — 160 руб. серебра, перстень, бриллианты и золотые часы (в действительности — 1 руб. 65 коп. и металлические часы, оставшиеся при нем в тюрьме).

Арестованные участники съезда сумели переправить на волю «Открытое письмо заключенных в Московской губернской тюрьме (Таганка) по делу «рабочего съезда» ко всем Гражданам», имевшее 26 подписей. В письме опровергались клеветнические сообщения в «Известиях» и содержалась информация о характере съезда, его повестке, порядке представительства на нем.

На съезде предполагалось обсудить вопрос о возможных мерах сплочения и организации рабочего класса, о подготовке Всероссийского рабочего съезда. «Но правительство коммунистов, как и царские его предшественники, не терпят никаких проявлений независимого рабочего движения, ибо в нем ему чудится близкая гибель своей власти, в нем она видит отражение продовольственного кризиса, и неспособное справиться со своими государственными задачами обрушивается на вождей рабочей общественности»⁹ — так объяснялись в письме побудительные мотивы борьбы большевиков против инакомыслия.

Весной 1919 г. по стране прокатилась новая крупная волна забастовочного и повстанческого движения среди всех слоев «трудового» населения: рабочих, крестьян, красноармейцев. Одним из самых кровопролитных было выступление в Астрахани 10-11 марта. Эти события довольно подробно освещены как важная страница в истории Астраханской парторганизации, отчасти из-за С.М. Кирова, занимавшего в это время должность председателя ВРК в Астрахани. Тем интереснее сопоставить реальные события с идеологическими штампами. Рабочие требовали увеличения хлебного пайка, отмены про-

довольственных запрещений и свободного вывоза рыбы. Еще в феврале была попытка объявить забастовку из-за сокращения нормы выдачи хлеба, но тогда рабочими союзами были специально созваны собрания и митинги для разъяснения продовольственного положения и удалось отговорить рабочих. Но с каждым днем напряжение в городе нарастало. Сюда хлынули толпы деморализованной 11-ой армии, голодные, изможденные переходом через степь, изнуренные эпидемией сыпного тифа и насекомыми. «Многие падают на улице и умирают, все театры и свободные помещения превращены в лазареты или просто в место скопления прибывающих. Астрахань имеет вид как во время чумы, это город смерти»,¹⁰ — сообщалось из Астрахани Дзержинскому.

Положение с хлебом стало еще хуже, к тому же по городу циркулировали слухи о предательстве командиров на фронте. 6 марта рабочие завода «Кама» огласили свои требования на собрании представителей профсоюза, реввоенсовета и др. организаций, угрожая в случае непринятия этих требований забастовкой. На следующий день состоялось собрание рабочих на заводе «Кама» с приглашением представителей мобилизованных солдат и было принято решение назначить забастовку на 10 марта. «Враги революции использовали трудную обстановку, тяжелое положение с хлебом, сумели вовлечь в антисоветский заговор наиболее отсталые слои трудящихся и 10 марта 1919 г. поднялся белогвардейский мятеж», — так характеризуется начало событий в «Очерках истории Астраханской парторганизации».

О последующих событиях есть противоречивые сообщения. По всей видимости, рабочие не готовились заранее к вооруженному выступлению. Оно было спровоцировано действиями властей. Арестованный 10 марта рабочий завода «Кавказ и Меркурий» Э.И. Гертер так описывал начало событий: «10 марта с. г. находясь при мастерской данного завода, выйдя со свистком на улицу из таможенных ворот, т. к. другие ворота были окружены флотскими, которые не выпускали ни одного рабочего из завода. Находясь в толпе, которая стояла около шестого участка, напротив казарм, где нас хотели обстрелять

из пулемета и где я вышел в качестве делегата предупредить братоубийство, что и прекратилось на некоторое время»¹². По официальной версии событий в оцепление из матросов кто-то из рабочих сделал провокационный выстрел. Матросы ответили залпом (значит, у них заранее был приказ открывать огонь по рабочим) и это послужило началом вооруженных действий. А оружие было захвачено после нападения на караулы 45-го полка¹³.

О том, что власти готовились к вооруженному подавлению забастовки говорит и тот факт, что Гертер был арестован сразу же, как только сделал несколько шагов, отходя от толпы. То есть представители особого отдела контролировали ситуацию и если бы стрельба была случайной вполне могли вмешаться.

Забастовка охватила эллингтонский, пакгаузовский и царевский районы. Выступили металлисты, конопатчики и рабочие водного транспорта. Это не было выступление хулиганов и дезертиров, как поспешили сообщить в газетах. Начавшись как мирная акция, забастовка стихийно переросла в совместное вооруженное выступление рабочих и солдат против власти. Сторону повстанцев также приняли царевский исполком и два политкома, а возглавил «белогвардеец казацкий офицер» Калмыков.

Восставшие двигались к Бакалдинскому районному комитету партии. Ими была захвачена колокольня Ивана Златоуста, откуда пулеметным и пушечным огнем обстреливалась прилегающая территория. Из города волнения перекинулись и на все прилегающие села.

Восстание было подавлено вооруженной силой. По данным астраханского совета профсоюзов погибло около 1 тысячи восставших и 184 человека были расстреляны¹⁴. По сведениям, сообщенным в ЦК РКП(б) расстреляно было 1500 человек, главным образом рабочих¹³. Но и эта цифра, по всей видимости, не отражает истинного размаха репрессий. Сохранились показания уцелевших очевидцев этих событий, арестованных особым отделом в мартовские дни. Уже упоминавшийся Э.И. Гертер, просидевший в особом отделе без следствия 13

дней: «С первой же ночи моего сидения (т. е. в ночь с 10 на 11 марта — Л.Б.), где начались дни кошмарного расстрела. Здесь выводили партиями, ...через пять минут и менее слышались залпы расстрелов, не проходило трех-четырёх минут новая партия вызывалась...»¹⁶. По показаниям А. Савельева, расстрелы, производились без следствия прямо во дворе особого отдела, с перерывом в 5 минут. По его приблизительным подсчетам в одну только ночь было расстреляно 30-35 человек. Еще более ужасающая картина нарисована в показаниях рабочего завода «Нобель» В.А. Фунина. Он был арестован почти через неделю после событий — вечером 17 марта. «Придя в камеру я первым делом увидел, что там сидели рабочие и мастеровые в таком количестве, что можно было увидеть только на промысле, когда кладут селедку в бочата. Самую главную черту могу отметить, которая произвела на меня впечатление. В эту ночь вызывалось по несколько человек партиями в количестве 10-15 и 20 человек рабочих, которых выводили на двор и тут же расстреливали. Это происходило в ночь по три и четыре раза. Могу заметить, что было расстреляно в эту ночь 1% буржуев и 50% рабочих. На второй день из дома Сергеева мы были переведены в дом Степанова на Кутуме, где те же ужасы расстрелов шли очередным порядком каждую ночь, массовые»¹⁷.

Расстрелы без суда и следствия, в том числе и рабочих, издевательства, пытки, запугивание были обычной практикой в губчека и особых отделах. (Заметим, что точно такими же методами, выходящими за рамки даже более чем относительной революционной «законности», действовали и продотряды, и органы борьбы с дезертирством, и всевозможные тройки.) В астраханской расправе главная роль принадлежала председателю особого отдела Г.А. Атарбекову, фигуре во многих отношениях примечательной. Член партии с 1908 г., еще до 1917 г. закончил юридический факультет Московского университета. После февраля 1917 г. руководил восстанием на черноморском побережье, некоторое время был членом Совета депутатов в Александрополе (Армения). После Октябрьской революции занимал должности тов. председателя ВРК Сухумского

округа, члена штаба Южного фронта, чрезвычайного уполномоченного Северо-Кавказского ЦИК, члена Северо-Кавказского исполкома, тов. председателя и председателя Северо-Кавказской краевой ЧК. В энциклопедиях о нем пишут как об участнике борьбы за Советскую власть на Кавказе, автор книги «Красный террор» С. Мельгунов называет его палачом Кавказа. И оба определения соответствуют фактам. В Астрахань Атарбеков был направлен на должность председателя Астраханской губчека. Учитывая прифронтовое положение города и дублирование функций губчека и особого отдела, весной 1919 г. было проведено объединение этих органов и во главе нового особого отдела был назначен Атарбеков¹⁸. Юрист и «настоящий большевик» — такое сочетание в одном лице было большой редкостью даже среди чекистов. Однако, на практике юридическое образование никак не проявлялось. Так, инспектор особого отдела ВЧК, присланный в октябре 1919 г. для обследования деятельности Астраханского особого отдела среди множества злоупотреблений отмечал: «В деле мартовских восстаний даже не разберешь, кого за что и почему расстреляли. Арестованные держались без допроса по несколько недель и при том по самым пустяшным делам»¹⁹.

Атарбекову и особому отделу удалось создать в городе атмосферу страха и подозрительности не только среди обывателей, но и в среде коммунистов, во многих учреждениях проходили аресты сотрудников-коммунистов. «Нужно сказать, что в последнее время не было того человека, который бы не боялся особотдела», — сообщалось в ВЧК об обстановке в Астрахани²⁰. Выражаясь современным языком, Атарбеков собрал компромат на многих руководителей. По городу носились слухи об имеющихся в особотделах списках белых коммунистов. Руководители особого отдела вели себя так, будто бы кроме них в городе нет ни ревкома, ни реввоенсовета, ни других органов власти и управления.

19 июля особым отделом был раскрыт «белогвардейский заговор». По сообщению предревкома С.М. Кирова в Москву, заговорщики готовились поднять восстание в случае осложнения обстановки на фронте. В заговоре принимали учас-

тие представители буржуазии, духовенства, офицерства. Своей ближайшей задачей они ставили отравление рабочего батальона и ответственных работников в Астрахани. Сообщалось, что у арестованных (63 человека, поэтому в городе это событие называли «заговор 63-х») было найдено значительное количество цианистого калия²¹.

Раскрытие заговора было настолько неожиданным, что в адрес особого отдела раздавались обвинения в раздутости этого дела.

Недовольство деятельностью особого отдела особенно усилилось после возвращения с фронта астраханской отдельной роты коммунистов во главе с Аристовым. От ее состава осталась одна треть. Большие потери связывались с предательством отдельных командиров. Вина за их назначение возлагалась на особый отдел. К тому же между Аристовым и Атарбековым были давние трения. Было созвано совещание представителей воинских частей и реввоенсовета, с участием Кирова и Раскольниковца. На нем были подведены итоги материалам, собранным против особого отдела и поставлен вопрос о его реорганизации. На следующий день, 22 июля, было собрано представительное заседание ревкома, губкома партии совместно с представителями от всех военных и гражданских организаций Астрахани, в том числе и от особого отдела. Было принято решение просить Реввоенсовет о смещении Атарбекова с должности председателя особого отдела. Тем временем по городу вновь поползли слухи об измене, о возможности сдачи Астрахани; вскоре после заседания особым отделом были проведены новые аресты среди командиров особого полка. Тогда Аристов решился на крайние меры. В ночь на 25 июля, не ставя никого в известность, считая что даже председатель губкома партии находится в зависимости от Атарбекова, Аристов и его ударная рота арестовали руководство особого отдела. Реввоен трибуналом 10-ой армии было начато следствие, затем по решению Астраханской коммунистической конференции от 2 августа 1919 г. следственные материалы и обвиняемые — ответственные работники особого отдела — были направлены в Москву²².

Уже 15 августа 1919 г. на заседании Оргбюро ЦК «тов. Атарбеков докладывает о восстании гарнизона и об аресте им особого отдела ЧК в Астрахани». Характерна оценка деятельности Атарбекова, данная С.М. Кировым в письме в ЦК: «Во всяком случае еще раз повторяю, что тов. Атарбеков и его сотрудники никаких серьезных упреков не заслуживают, а что же касается обвинений их, то это просто чепуха»²³. А 25 августа, еще до окончания следствия по этому делу, Оргбюро было принято решение откомандировать Атарбекова в связи с просьбой Сталина в его распоряжение²⁴.

Ситуация с особым отделом в Астрахани не была уникальной. Подобное положение было характерно для многих органов ЧК. Игнорирование всякого контроля над своей деятельностью, в том числе и партийных органов, сосредоточение слишком больших внесудебных полномочий в сочетании с широким толкованием таких понятий, как враг, контрреволюционер, саботажник и т. п., уже в эти годы позволяют системе ВЧК занять особое место в политической и экономической жизни страны.

На почве тяжелого продовольственного положения весной 1919 г. прошли крупные волнения в армии. С 12 по 14 марта восстали 35-й и 34-й полки, располагавшиеся в Брянске. К ним примкнула часть командиров. Общим митингом была принята резолюция: выбрать полковые и ротные комитеты, обезоружить всех коммунистов и комиссаров, вооружить всех восставших. Все части гарнизона отказались стрелять по восставшим, заявляя «против своих не пойдем».

Восставшими были заняты станции Брянск и Колпино, разобраны пути, разогнан Льговский волсовет. Арестовывались все коммунисты. Руководил восстанием объединенный комитет. Повстанцами был выдвинут лозунг: «Да здравствует Учредительное собрание». По сведениям Штаба корпуса ВЧК. в волнениях приняли участие около 6 тысяч человек пехоты и тысяча артиллеристов, имевших на вооружении 8 орудий, 4 пулемета и винтовки²⁵.

Уже утром 13 марта для подавления восстания из Смоленска и Москвы были направлены крупные подразделения

войск ВЧК и железнодорожной охраны, броневика. Вечером следующего дня они прибыли в Брянск и восставшие без боя стали сдавать оружие. В 9 часов вечера было отправлено сообщение в Москву о том, что оружие восставшими сдано и большинство руководителей арестовано. За участие в восстании по официальным данным было расстреляно 6 человек²⁶.

Еще больший размах приобрели события в Гомеле. Здесь самовольно ушедшими с фронта воинскими частями была низложена советская власть, почти по сценарию Октября 1917 года. 24 марта воинские эшелоны с 67-м и 68-м полками 2-й бригады, получив отказ направить их на Брянск, заняли железнодорожную станцию в Гомеле и начали арестовывать коммунистов-железнодорожников. Также были заняты практически не охранявшиеся вокзал, почта, телеграф и другие советские учреждения, выпущены все заключенные.

Был организован повстанческий комитет во главе с завхозом 67-го полка Стрекопытовым. В этот же день Стрекопытовым было созвано собрание в железнодорожных мастерских, на котором он объявил, что советская власть низложена и власть принадлежит народу. Лозунгами восставших были «Долой коммунистов!», «Долой Ленина и Троцкого!», «Да здравствует Учредительное собрание!», «Да здравствует русская революция!».

На сторону восставших перешел 2-й кавдивизион, начальник штаба бригады, гомельский гарнизон. Железнодорожники, еще недавно боровшиеся с немецкими войсками и Директорией, не только не оказали сопротивления, но и избрали комиссию для переговоров со Стрекопытовым.

В городе не было проведено никаких организационных мер, хотя за несколько дней ревкомом были получены сведения о брожении в караульном гарнизоне и о том, что мятежные части движутся к Гомелю. Никаких распоряжений железнодорожникам, рабочим и служащим не давалось. Даже ЧК в момент мятежа не функционировала. Ее отряд вместе с председателем находились в «Савое» и вокруг него.

Чуть ли не единственным местом сопротивления была гостиница «Савой», где сосредоточились ответственные работ-

ники и коммунисты города. Вместе с отрядом чека здесь находилось около 300 человек, по определению присланной для расследования этих событий Елены Бош, «плохо вооруженных и не очень смелых». По существу, они защищали самих себя. Гостиница была окружена восставшими и обстреливались из орудий. 26 марта коммунисты сдались. 11 человек из них были убиты после ареста: председатель ревкома Комиссаров, секретарь ревкома Каганская, председатель чека Ланге, редактор газеты Билецкий и др.²⁷. Таким образом, гомельская партийная организация была разгромлена.

В течение двух дней в городе шли грабежи и погромы, в которых принимали участие не только мятежные красноармейцы, но и гражданское население, в том числе и рядовые коммунисты. Антисемитские настроения были связаны с тем, что все «комиссарские» посты в тылу занимали евреи и это вызывало недовольство.

На подавление мятежа были направлены очень крупные силы войск ВЧК всех видов вооружения, двигавшиеся из Смоленска, Орла, Калуги, Москвы, Брянска, Витебска, Могилева, Чернигова. 29 марта Гомель был взят. А уже 1 апреля реввоен трибунал привел в исполнение смертный приговор над 8 участниками мятежа, в их числе был командир 68-го полка Мачигин²⁸.

Мятеж можно было предотвратить, если бы командование и городские органы обратили внимание на ужасающее положение, в котором находятся красноармейцы. Комиссар 2-й бригады 8-й стрелковой дивизии А.И. Ильинский ежемесячно докладывал о настроениях солдат.

Бригада была сформирована в основном из крестьян хлебных уездов, где производилась усиленная реквизиция хлеба, скота, бесчинствовали продотряды. Красноармейцы были недовольны притеснениями в деревне и тем, что их семьи вопреки декрету не получали никакой помощи от местных органов. Условия жизни самих красноармейцев тоже были очень тяжелыми. Если в январе они получали хлеба в половину положенного, не говоря о плохом качестве, то в марте были нередки дни, когда красноармейцам вообще не выдавали хлеба.

При том, что на базаре в Гомеле продукты были. Очень плохим было также снабжение обмундированием. Солдаты ходили в развалившихся башмаках и лаптях, а на улице грязь лошадям по колено. Даже не было соломы, чтобы постелить на нары в казармах. «...Настроение вследствие этого все ухудшается и может кончиться катастрофой. Вся «работа» наша уходит на то, чтобы успокоить недовольных, не допустить дела до угроз и бунта»²⁴, — докладывал за неделю до волнений Ильинский.

Он справедливо считал, что победоносную Красную армию можно будет построить только тогда, когда трудовое крестьянство будет уверено, что Советская власть на самом деле стоит на защите его интересов. А для этого, по его мнению, надо уравнять всех граждан перед советским законом и, прежде всего, немедленно искоренить «разбой, прикрытый официальным правом держать в руках оружие», т. е. действия продовольственных и заградительных отрядов. Это было мнение молодого коммуниста, Ильинский вступил в партию осенью 1918 г., объясняя этот шаг тем, что пост комиссара бригады, на который его послал Тульский губком РКП, требовал официальной принадлежности к коммунистам.

Это было лишь официальным закреплением давно оформившихся убеждений. Еще до назначения комиссаром Ильинский, как сочувствующий большевикам, был избран комфракцией армейского комитета делегатом Третьего Всероссийского съезда Советов. В момент Октябрьского переворота (так Ильинский называет революцию) он находился в армии (был призван в 1916 г. из студентов) и был избран от своего полка на армейский съезд в г. Луцке, где примыкал к большевикам. Так что несмотря на свою молодость (в 1919 г. Ильинскому было 24 года) и небольшой партийный стаж, комиссар Ильинский не был новичком ни в армии, ни в партийной работе.

Ознакомившись в ходе следствия с донесениями и показаниями Ильинского, представитель ЦК Елена Бош вынесла знаменательный вердикт «Ильинского необходимо перевести на другую работу и под строгий контроль, это коммунист-обыватель»³⁰.

Главной причиной выступлений протеста, как в городе, так и в деревне в официальных сообщениях всегда назывались происки меньшевиков и эсеров, а не собственные ошибки большевиков. Зачастую возмущение населения вызывали очевидные промахи местных властей, а отвечать за них приходилось все тем же меньшевикам и эсерам. Одна из таких трагикомических историй произошла в известном кустарными промыслами селе Богородицкое Нижегородской губ. Здесь на выборах в местный совет, состоявшихся весной 1919 г., большинство получили меньшевики и их сторонники (из 80 мандатов 60). Но старый совет власть не отдал, а продолжал работу, пополнив себя депутатами-большевиками от нового совета. В результате целого ряда запретов, наложенных этой властью на крестьян окрестных деревень, на базаре в Богородицком прекратилась какая бы то ни было торговля, население стало голодать. Недовольство рабочих-кустарей вылилось в стихийный бунт против коммунистов, их массовое избиение. Тогда не помнящие зла меньшевики из нового совета объявили себя властью, спасли коммунистов от расправы (одного даже переодели в женское платье, чтобы укрыть от гнева толпы), а население убедили сдать оружие и разойтись. Когда же в село пришел отряд ВЧК и начались аресты, арестовали и меньшевиков-миротворцев. В итоге их приговорили к расстрелу, правда, затем гуманно заменили расстрел на 20 лет каторги³¹.

Весной 1919 г. ВЧК и его местные органы провели массовые аресты меньшевиков. В Москве были арестованы 6 членов ЦК (Ф. Дан, А. Югов, Ю. Мартов и др.), значительная часть московского комитета РСДРП. Были проведены повальные аресты во многих крупных городах. Большинство арестованных меньшевиков были рабочими, в том числе членами завкомов и правлений профсоюзов³².

В Туле в соответствии с полученной директивой были арестованы меньшевики Неколау и Третьяков, являвшиеся секретарями профсоюза металлистов. На следующий день после ареста, 1 апреля губисполком, губчека, правление профсоюза металлистов и совет профсоюзов Тулы собрали совещание представителей завкомов Оружейного и Патронного заво-

дов, рабочего кооператива. Была предложена резолюция, обосновавшая арест подготовкой контрреволюционного выступления. Хотя резолюция была принята, но далеко не все были с ней согласны. На конференции профсоюза металлистов, созванной 2 апреля, делегаты осудили аресты и потребовали немедленного освобождения под поручительство рабочих организаций. Было выражено недоверие правлению тульского профсоюза металлистов, одоббившего аресты. В ответ было арестовано 63 делегата конференции.

Утром 3 апреля в знак протеста началась забастовка на Оружейном и Патронном заводах. Эти заводы были главными поставщиками оружия для Красной армии. Две трети стрелкового оружия и почти все пулеметы изготовлялись на оружейном заводе в Туле.

5 апреля к забастовке присоединились железнодорожники. В двух цехах железнодорожных мастерских началась «итальянка». Бастующие требовали улучшения снабжения продовольствием, освобождение арестованных, объяснения причин арестов, созыва общего собрания железнодорожного узла с представителями оружейных заводов. Но профсоюз железнодорожников не поддержал этого решения, признав требования незаконными. «Союз меньшевистский, но знают, что дорогу мы объявили на осадном положении»,³³ — так прокомментировал решение профсоюза председателю Тульской ЧК Медведев в разговоре по прямому проводу с Дзержинским. Здесь лишний раз подтвердился тот факт, что отдельные обвинения меньшевиков и эсеров в разжигании забастовочного движения, постоянно раздававшиеся со стороны большевиков, были скорее методом политической дискредитации оппонентов, чем реальным отражением происходивших событий.

Положению в Туле придавалось настолько серьезное внимание, что в ЦК партии подумывали о поездке к бастующим председателя ВЦИК М.И. Калинина, но местные коммунисты сразу заняли очень решительную позицию, рассчитывая только на репрессивные меры.

5 апреля в Тулу прибыла делегация из Москвы: представитель ВЧК И. Антонов, член ЦК союза металлистов Я. Розен-

таль и представитель ВЦСПС Н. Глебов и др. Глебовым и Розенталем было проведено совместное заседание союза металлистов и представителей заводских комитетов бастующих заводов, на котором было принято постановление о прекращении забастовки в 12 часов ночи с 5 на 6 апреля. Представителем всероссийского союза металлистов этим постановлением поручалось взять на себя расследование обстоятельств ареста участников конференции и членов союза металлистов, а также всех обстоятельств, приведших к забастовке. Им же поручалось принять меры к освобождению арестованных руководителей союза металлистов, если они не причастны к контрреволюционному движению. Но губком партии отклонил это постановление, считая что освобождение отдельных меньшевиков и эсеров лишь затянет забастовку. Было принято решение провести «чистку» заводов.

Курс на ликвидацию забастовки репрессивными мерами был одобрен на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) 6 апреля 1919 г. М. Томский предложил решить вопрос в духе примирения и некоторых уступок рабочим, но его позиция не получила поддержки. ЦК постановил поддержать политику губкома партии, действия же Глебова, а тем самым и вообще линия профсоюзов, были признаны неправильными³⁴.

Не смотря на постановление ЦК, в Туле продолжались споры о методах ликвидации забастовки. Губисполкомом была избрана чрезвычайная тройка (Арсентьев, Орлов, Прокудин), которой было поручено наметить репрессивные меры. Сторонники более мягкого подхода, в том числе присланные из Москвы представители профсоюзов и ВЧК, считали необходимым, чтобы репрессии и урегулирование заводской жизни осуществляла особая чрезвычайная комиссия, назначенная Совнаркомом. По всей видимости, обстановка на заседании в губкоме была такова, что сторонники второй линии не сочли возможным открыто заявить о своем предложении, а довели его до Москвы вечером 8 апреля в разговоре по прямому проводу. «Но ответ на это должен быть дан быстро, так как уже завтра будут приниматься репрессивные меры, которые могут привести к тем или иным серьезным результатам»³⁵. — сооб-

шил И. Антонов. На своей позиции продолжал оставаться и Глебов. Он заявил в этом же разговоре: «Если ЦК партии считает необходимым завод иметь пущенным, теперь же необходимы уступки, если эта необходимость может быть отсрочена, то допустимы репрессивные меры, но которые будут иметь реальные результаты только при проведении их чрезвычайной комиссией, назначенной Совнаркомом»³⁶.

Эти сепаратные переговоры были прерваны неожиданно появившимся председателем губкома Г. Каминским. Он резко вмешался в разговор и заявил, что в губкоме нет разногласий и что высылка особой комиссией ничем пока решительно не вызывается.

Получив очередное одобрение от Москвы, губком перешел к решительным действиям. С 8 апреля начались массовые аресты на Патронном и Оружейном заводах. В течение двух дней было арестовано около 190 человек³⁷. Продолжалась фильтрация забастовщиков.

На заводах были расклеены приказы чрезвычайной тройки о расстреле тех, кто будет ломать станки и мешать желающим работать, о вводе на заводы красноармейских частей. В городе находились значительные вооруженные силы: Рязанский отряд ЧК, рота интернационалистов, школа красных офицеров, таким образом, более тысячи надежных бойцов вместе с другими войсками.

Под воздействием силы забастовщики начали отступать. 8 апреля под угрозой снятия брони почти целиком приступил к работе Патронный завод. В железнодорожных мастерских приступили к работе два цеха, остальные (ок. 1 тысячи человек) цеха требовали созыва узлового собрания. На Оружейном заводе 9 апреля из 22 тысяч вышли на работу 4500 человек³⁸.

9 апреля собрание представителей ВЦСПС, ЦК союза металлистов, Тульского союза металлистов, заводского комитета, цеховых комитетов Оружейного и Патронного заводов приняло резолюцию о прекращении забастовки.

За время забастовки было арестовано 290 человек, из них активных 32 человека³⁴. Арестованные активисты были перевезены в Москву в ведение ВЧК

События в Туле показали, что партийные и советские органы не имели влияния на рабочих, не отражали их интересов и рассматривали живых людей лишь как часть производственного механизма. Любое несогласие, а тем более неповиновение подавлялось силой. Революционные декларации о государстве диктатуры пролетариата оборачивались арестами и штыками. Руководство профсоюзов, центральный совет и центральные комитеты отраслевых союзов, превратившиеся в часть партийно-государственной машины, были вынуждены занимать половинчатую, соглашательскую позицию. Они не могли отстоять свою позицию, оставаясь в меньшинстве, не оказывали реального влияния на решения, принимавшиеся в ЦК партии по рабочим вопросам, в том числе и по забастовкам. Центральной части профсоюзов приходилось играть роль буфера между рабочими и государством, прикрывая именем рабочей организации насилие. Так, относительно мягкая позиция Глебова и Розенталя, поддержанная Томским, не вызвала одобрения ни в ЦК РКП(б), ни у тульских коммунистов. «Если бы Глебов был дольше, и все так работали, как он, за спиной, забастовки никогда не ликвидировать», — сообщил по прямому проводу председатель Тульской ЧК 10 апреля. «Если эта комиссия начнет канителиться, сообщайте нам, получите директивы»⁴», — ответили ему из ВЧК.

По мере роста забастовочного движения каждая из сторон приобретала опыт борьбы, учитывая ошибки предыдущих выступлений. Примером организованности можно назвать забастовку в Твери летом 1919 г. Начавшись в ткацком отделении Тверской мануфактуры, забастовка в течение двух дней превратилась в общегородскую. Прекратили работу текстильные фабрики, вагоностроительный завод, снаряжательные мастерские, электростанция, трамвай, водопровод, столовые, типографии, аптеки. Свое согласие присоединиться к забастовке дали служащие почты, телеграфа, горснабжения и многих других советских учреждений. Отказались бастовать только

железнодорожники и рабочие мельниц, считавшие невозможным остановить работу в столь тяжелое для республики время. Руководило забастовкой делегатское собрание, избранное

бастующими. Для оперативной работы из его состава была выделена инициативная группа в составе 30-35 человек.

Непосредственными причинами забастовки было объявленное губпродкомом сокращение продовольственного пайка и проведение 10% мобилизации членов профсоюза. Выдвинутые делегатским собранием требования свидетельствовали о том, что рабочие были озабочены не только улучшением своего материального положения, но и недовольны сложившейся системой взаимоотношений между партией и профсоюзами. Так, бастующие выступили против диктатуры партии, за переизбрание советов при всеобщем голосовании, за независимость профсоюзов от власти и каких-либо партий, за то, чтобы они выражали интересы своих членов. Также делегатское собрание выдвинуло требование передать продовольственное дело из рук государства в ведение профсоюзов и кооперативов. На 19 июня было намечено созвать общее собрание всех бастующих города совместно с представителями воинских частей и гражданами города. Руководство забастовки понимало, что сила забастовщиков в их массовости и организованности.

Еще 17 июня для ликвидации забастовки в город прибыл представитель ВЦИК В. Невский. На почту, телеграф, телефонную и электростанцию были выставлены вооруженные караулы. Вместе с представителем ЦК профсоюза текстильщиков В. Горшковым Невский сначала пытался договориться с инициативной группой о мирном прекращении забастовки. Затем они обратились к делегатскому собранию. Удалось договориться, что делегатское собрание примет все меры, чтобы не допустить общегородского собрания. В. Невским и В. Горшковым были также проведены собрания рабочих по фабрикам, на которых разъяснялось, что забастовка только на руку многочисленным врагам. И уже когда агитационно почва была подготовлена, состоялось совместное заседание делегатского собрания и представителей из Москвы. Собрание шло очень долго (с 11 часов утра 19 июня до 7 часов утра 20 июня), но в конце концов большинством голосов было решено прекратить забастовку⁴¹. Таким образом, забастовка была ликвидирована мирным путем, во многом благодаря уси-

лиям Невского и Горшкова, без использования вооруженных сил, которые были направлены в город. Однако, это не означало, что после окончания забастовки не велось расследование и не были наказаны зачинщики. По данным, поступившим в ВЧК, по делу забастовки в Твери три человека были приговорены к расстрелу и несколько к разным срокам тюремного заключения⁴².

Начиная с 1918 г. на предприятиях легкой промышленности заработная плата помимо денежной части выплачивалась натурой, продукцией данного предприятия. И хотя с самого начала отраслевые профсоюзы в отличие от заводских комитетов высказывались против таких выдач, но подобная практика получала все большее распространение. Натурализация оплаты была выгодна как органам ВСНХ, так в еще большей степени рабочим, менявшим мыло, спички, сигареты и т. п. товары первой необходимости на продукты. Поэтому на прекращение таких выдач рабочие отвечали решительными действиями, вплоть до захвата продукции.

Как, например, на московских государственных мыловаренных заводах № 4 и № 5 (бывшие Брокер и Ралле) в январе 1920 г. В ответ на отказ рабочих вернуть захваченную продукцию Центрожир с одобрения ВСНХ принял решение арестовать заводские комитеты и закрыть заводы. Мосгубсовет профсоюзов также одобрил это постановление при условии, что будет создана комиссия из старых рабочих для приема на работу вернувшихся похищенное⁴³.

Иную позицию занял Президиум Московского Совета. Его протест против решения ВСНХ был рассмотрен на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) 5 января. «Решение ВСНХ признать правильным»⁴⁴ — таков был вердикт Оргбюро.

16 января Президиум ВСНХ предоставил Центрожиру право пустить в ход эти заводы при условии соблюдения строжайшей дисциплины и переизбрания всех органов управления.

А со второй половины года ВЦСПС по соглашению с ВСНХ вновь вернулось к выдаче рабочим пайка из продуктов собственного производства, но по более низким нормам. Так, рабочим предприятий Главсахара полагалось ежемесячно 1,5

фунта сахара, Главтабака — 750 штук папирос или 2 фунта махорки, Центрожира — 1 фунт хозяйственного мыла или 4 куска туалетного.

В ответ на уменьшение норм выдачи прошла новая волна забастовок. Так, в течение трех дней (с 5 по 7 июня) бастовали 1-я, 2-я и 3-я табачные фабрики в Москве. Они протестовали против уменьшения выдачи папирос с 1800 до 750 штук, что существенно сказывалось на их и так полуголодном житье⁴⁵. 7 июня по приказу Главтабака фабрики были закрыты и объявлено о новом наборе рабочих. Одобрив эти меры, Президиум ВСНХ еще раз подтвердил необходимость и впредь придерживаться установленных норм⁴⁶. На проходивших собраниях рабочих в эти дни тяжелое материальное положение, и в том числе уменьшение пайка, связывалось с политикой большевиков. «...Рабочие получали бы паек гораздо больше, если бы у нас не существовало бы разных трибуналов, а также чрезвычайек, которые поглощают все, — говорилось на собрании рабочих парфюмерных фабрик бывших Остроумова и Чепелевецкого, — большевики своей политикой создают контрреволюцию сами, посылают карательные отряды в деревню, отбирают хлеб у крестьян и тем создают враждебную оппозицию деревни»⁴⁷.

И в столицах, и в провинциях положение с продовольствием постоянно ухудшалось. В Москву Ленину шли полные драматизма телеграммы. «Продовольственное положение в Петрокоммуне небывало катастрофическое. Нет ни зерна. У армии взяли займы все, что было можно. Несколько раз были уже перебои... Послезавтра всему городу нельзя будет выдать ничего»,⁴⁸ — телеграфировал Г. Зиновьев Ленину 1 октября 1920 г «Положение Донбасса крайне тяжелое. Рабочие голодают, одежды нет. Несмотря на революционно-советское настраение масс, стачки вспыхивают там и здесь. Приходится удивляться тому, что рабочие вообще работают», — говорилось в шифротелеграмме Л. Троцкого и Л. Серебрякова, посланной 19 ноября⁴⁹. И в это же время на Пленуме ЦК РКП(б) признается политически необходимым направить в Италию «вторую партию хлеба» (значит, первая партия уже направ-

лена), а в Индию партию оружия и золота, не говоря уже о постоянном направлении золота и бриллиантов на поддержку коммунистического движения. Идея мировой революции обходилась дорогой ценой.

21 июля из Казани пришла телеграмма Ленину и ЦК РКП(б) о сокращении хлебного пайка на заводах города «в связи с крайне тяжелым продовольственным положением и полной невозможностью получить хоть что-нибудь из опустошенных выкачкой хлеба и голодающих уездов»⁵⁰. Такая ситуация во многом явилась следствием крупного крестьянского бунта, прокатившегося весной по трем уездам Казанской губернии (Чистопольскому, Мензелинскому и Бугульминскому). Восстание проходило под лозунгом «Долой коммунистов и выкачку хлеба» и носило ожесточенный характер.

Так, части запармии в течении пяти дней не могли разбить 3 тысячи повстанцев, из которых только 300 человек имели оружие. За время этих боев красноармейцы потеряли 300 убитыми. Были факты зверских расправ над коммунистами.

Сокращение и без того мизерного пайка (с 1 фунта до 3/4

для первой категории и с 3/4 до полфунта для второй) вызвало цепь забастовок в Казани. 17 июля забастовал кожзавод Алафузова, 19 июля к забастовке присоединились пороховой завод и химический завод Ушкова, ряд других заводов. Избранный стачечный комитет помимо требования сохранять прежний паек выдвинул ряд других экономических требований: отмена 12-часового рабочего дня, уничтожение дисциплинарных судов, ликвидация охраны на пороховом заводе, состоявшей из мажар. И хотя губисполком с самого начала объявил, что с 28 июня в связи с подвозом хлеба прежний паек будет восстановлен, рабочие продолжали бастовать. Только после угрозы применения законов военного времени и ареста 50 человек бастующие стали выходить на работу. 22 июля работа на заводах была полностью восстановлена⁵¹.

12-часовой рабочий день, введенный на многих милитаризованных предприятиях, в действительности не был пределом. Так, на Симбирском патронном заводе рабочие фактически работали по 16 часов в сутки. Так как около 3 тысяч

рабочих из-за отсутствия жилья вблизи завода были вынуждены тратить на дорогу туда и обратно еще 4 часа. Неудивительно, что невыход на работу составлял ежедневно от 30 до 50% у рабочих и административно-технического персонала. На настроениях рабочих сказывалась и тарифная политика союза металлистов. Если раньше квалифицированные рабочие могли вырабатывать до 400% нормы, то теперь был установлен потолок в 200%, и зарплата таким образом, понижалась. Причем эти меры проводились неожиданно, без разъяснительной работы.

В течение мая на Симбирском патронном заводе была проведена двухнедельная «итальянская» забастовка, которую ликвидировали испытанным средством: было арестовано 12 рабочих. За явный и злостный саботаж будучи военнообязанными и работая на военные нужды в районе, объявленном на военном положении, они были осуждены Симбирским губревтрибуналом. Один рабочий (Н.Ф. Филиппов) был приговорен к условному расстрелу с отправкой на железнодорожный транспорт, что, видимо, в то время было равносильно тюремному заключению. Еще один условно на 10 лет лишения свободы с заменой на фронт, трое — отправлены на фронт, трое — на 3 года в концлагерь, остальные получили более легкое наказание. Причем, эти наказания были присуждены с учетом пролетарского происхождения подсудимых⁵².

Но и такая расправа не остановила оставшихся на заводе от нового выступления. 2 октября началась новая забастовка. После ряда митингов забастовку удалось приостановить. На заседании губисполкома выяснилось, что в забастовке не только принимали участие, но и были застрельщиками коммунисты. Они объясняли свое поведение конфликтом с председателями заводоуправления, установившим на заводе свою диктатуру. На территории завода им были запрещены партийные собрания, его заместитель арестовал одну 16-летнюю работницу только за то, что она ему надерзила.

Работа губчека, несмотря на прекращение забастовки на заводе, была усилена. Выявили 20 рабочих из бывших меньшевиков и эсеров, которые вели агитацию за забастовку. По

всей видимости, председатель заводоуправления, коммунист, назначенный ЦЕПАЗом, имел свою точку зрения на этот счет и запретил производить аресты. Но в конце концов арест был санкционирован губкомом партии. Докладывая в ВЧК о проделанной работе, председатель Симбгубчека Крумин сообщал важные особенности своей работы: «На Патронном заводе работа ЧК ведется усиленно и в каждой группе рабочих имеется наш осведомитель, так что нам известно все, что делается на заводе»⁵³.

Летом 1920 г. нарком продовольствия Брюханов заверил участников сессии ВЦИК, что из урожая текущего года будет наверняка заготовлено 350 млн. пудов хлеба. Притом, что «по нормам сытости», рассчитанным в Наркомпрод, было достаточно заготовить 400 млн. пуд. На практике эти уверения выполнены не были. С первых дней 1921 г. в Москве и Петрограде со всей остротой проявились продовольственный и топливный кризисы. В ответ на ухудшение и без того голодного существования на многих предприятиях прошли забастовки и демонстрации.

В начале февраля в Петрограде из-за топливного кризиса были закрыты несколько недавно пущенных предприятий. Мобилизованные в порядке трудовой повинности рабочие, специально направленные для их пуска, оказались за воротами. На работавших заводах был сокращен продовольственный паек. Все это послужило толчком к объявлению забастовок на Балтийском, Трубочном заводах, фабрике Лафери и др. Рабочие требовали увеличения пайка, снятия заградительных отрядов. Было и политическое требование созыва Учредительного собрания. Движение шло под лозунгом отмены диктатуры компартии и установления власти свободно избранных советов. Выступления были довольно быстро ликвидированы традиционным способом: арестами лидеров забастовок. Знаменитый чекист Я. Агранов, расследовавший по свежим следам дело Кронштадского восстания, совершенно справедливо считал его логическим развитием забастовок в Петрограде⁵⁴. Делегации из Кронштадта посылались на бастующие заводы, и если бы забастовки не были так быстро подавлены, могло

бы произойти объединенное выступление. Уроки третьей революции, как называли восстание в Кронштадте, в частности показали, что недовольство трудящихся существовавшим положением дошло до такой крайней степени, что они в любой момент были готовы выступить против власти. Любая беспартийная конференция могла быть стихийно преобразована в стачечный или повстанческий комитет без влияния оппозиционных партий. Пожалуй, впервые в Кронштадте произошло осознание необходимости совместной борьбы рабочих, крестьян, моряков и красноармейцев за свои интересы. На фоне все расширяющегося повстанческого движения в деревне и брожений в армии Кронштадт мог стать последней чертой, за которой началась бы, действительно, третья революция.

Профсоюзы и забастовки

Профессиональные союзы в послеоктябрьской России имели большой политический вес. Это были единственные общественные организации, объединявшие в своих рядах представителей различных партий и большую часть беспартийного городского населения. Формирование профсоюзов в этот период шло по цеховому принципу. Отдельные союзы были у водопроводчиков, церковных служащих, банщиков, прачек, могильщиков и т. д. Известно, какое большое влияние на политическую обстановку и конкретные решения большевиков оказало требование однородного социалистического правительства, выдвинутое Викжелем и поддержанное многими профсоюзами.

В первые послеоктябрьские месяцы шел поиск места профсоюзов в складывающейся общественно политической системе. Его результаты во многом зависели от того, какой лозунг будет взят на вооружение профсоюзными лидерами в работе с массами: эсеро-меньшевистский лозунг независимости профсоюзов от власти или большевистский лозунг всемерного сотрудничества. Уже в январе 1918 г. наметилась тенденция победы второго. На I Всероссийском съезде профсоюзов (54% делегатов с решающим голосом — от большевиков) была принята большевистская резолюция «О задачах профессио-

нального движения». В ней, в частности, говорилось о том, что профсоюзы должны стать органами социалистической власти и проводить в жизнь новые задачи организации хозяйственной жизни⁵⁵. Традиционная функция профсоюзов по защите интересов своих членов не была упомянута. Руководство профсоюзов исходило из того, что в условиях, когда власть перешла в руки «рабоче-крестьянского» правительства, оно само защищает интересы рабочих. Профсоюзы же должны защищать интересы рабочей власти, превращаясь в часть государственного механизма: «Теперь профсоюзам делать нечего, ибо профинтересы защищаются пролетарской властью. Союзы должны заняться теперь регулированием промышленности...», — заявил в феврале 1918 г. М.Н. Животов. Исходя из такой позиции, руководство профсоюзов не поддерживало развернувшуюся стачечную борьбу. Независимо от причин стачки рассматривались как подрыв Советской власти, ущерб народному хозяйству и нарушение союзной дисциплины. На профсоюзных конференциях неоднократно принимались резолюции, дающие право государственным органам закрывать предприятие в ответ на забастовки. Отраслевые профсоюзы нередко были инициаторами и более суровых мер. Как например, в отношении ткацких подмастерьев в Твери. 3 августа, отколовшись от общего союза текстильщиков, они образовали стачечный комитет и объявили забастовку с требованием повысить ставки, определенные профсоюзом. Собрание ткачей вынесло им порицание. А руководство профсоюза текстильщиков приняло решение: арестовать стачечный комитет, о чем сообщить ЧК; бастующим объявить расчет, прекратить выдачу продуктов из лавок и выселить из хозяйских квартир⁵⁶. Вопрос об этой забастовке обсуждался и на Московской областной конференции фабрично-заводских комитетов текстильной промышленности. Участники конференции также осудили эту забастовку. Но даже в тех редких случаях, когда профсоюз, признавая обоснованность требований забастовщиков, брал переговоры с властями в свои руки, сценарий развития событий был неизменным: запугивание участников, огульные обвинения в контрреволюции и связях с меньшевиками и эсерами, массо-

вые увольнения и аресты. Именно так развивались события в Челябинске в мае 1918 г. Челябинский профсоюз печатников огласил на заседании исполкома Челябинского совета депутатов требование печатников о повышении ставок. Причем предварительно было достигнуто соглашение с рабочими 18 мельниц о выступлении в поддержку. Исполком запугал представителей мукомолов настолько, что те сожгли свою резолюцию, а затем и вообще отказались от своих слов. По решению исполкома совета депутатов союз печатников, возглавивший забастовку, был распущен и образован новый, «стоящий на платформе Советской власти». «Если такая политика совдепов будет продолжаться и впредь, - говорилось в письме Центрального совета всероссийского союза печатников в ВЦСПС, — то перед нами станет совершенно определенная задача, оставить в стороне экономическую борьбу и ребром поставить вопрос перед рабочими о беспощадной борьбе за право коалиций»⁵⁷.

Сообщения о произволе местных партийных и военных органов по отношению к профсоюзам носили массовый характер. В случае разногласий партийные комитеты распускали территориальные организации профсоюзов «как не стоящие на платформе Советской власти» и по своему усмотрению назначали новые выборы⁵⁸. Военные ведомства разгоняли фабрично-заводские комитеты, запрещали рабочим военных заводов вступать в профсоюзы, без согласования с профсоюзами увеличивали рабочий день.

Лозунг партийного руководства профсоюзами нередко понимался буквально, как прямое подчинение партийным директивам руководителей профсоюзов. Типичный в этом отношении инцидент произошел на Саратовском губернском съезде профсоюзов (июль 1920 г.). На заседании фракции съезда секретарь губкома партии потребовал в порядке партийной дисциплины принять резолюцию и персональный состав нового президиума губсовета профсоюзов. И съезд был вынужден подчиниться. Свое магическое заклинание было и у военных организаций: «в порядке боевого приказа».

Но в критических ситуациях, когда над существованием большевистской власти нависала прямая угроза, Ленин обра-

щался к руководству профсоюзов за помощью. Будучи трезвым политиком, он прекрасно отдавал отчет в том, что большевики не пользуются прежним авторитетом у рабочих и только агитация профсоюзов еще может поднять их на защиту Советской власти. Одно из таких обращений к авторитету профсоюзов состоялось в связи с наступлением Колчака на Восточном фронте. 10 апреля 1919 г. СНК принял декрет о призыве в Красную армию рабочих и крестьян, а на следующий день был созван пленум ВЦСПС, на котором Ленин выступил с докладом о задачах профсоюзов в связи с мобилизацией. Он сделал акцент на том, что профсоюзы должны подойти к мобилизации как к громаднейшей политической кампании рабочего класса, подойти к ней по-новому, не только как профессионалисты, но и как революционеры, которые решают теперь тот же вопрос, что и в октябре 1917 г.

Обстановка в стране в момент пленума была такова, что каждый из выступавших не мог не говорить о забастовочном движении, об отношении к участию в нем меньшевиков и эсеров. В докладе Ленина была сформулирована непримиримая позиция по отношению к меньшевикам и эсерам. Он заявил, что даже если они готовы на деле помогать Советской власти, но сохраняя свои убеждения и возможность выступать с критикой, то их место в тюрьме или в других странах. А на вопрос Штульмана, доказано ли, что ЦК меньшевиков организовывал забастовки в Туле, Ленин ответил, что доказывать это ему ни к чему. И хотя ЦК меньшевиков осудил агитацию правых меньшевиков за забастовку, по убеждению Ленина, это не снимает с них вины за то, что они оказались слабее правых меньшевиков⁵⁹. По сути, это тот же принцип, что и со взятием заложников: невиновные люди отвечают за действия, в которых они не принимали участия.

Выступивший после Ленина Штульман заявил о своем несогласии с ленинской оценкой меньшевиков. Он сказал также, что политика правящей партии идет вразрез с интересами пролетариата и она виновна в сложившемся положении. Не возражая против участия профсоюзов в проведении мобилизации, Лозовский отметил, что для ее проведения нужно изме-

нение политики Советской власти в деревне. «Почему Урал, центр рабочего движения, с такой легкостью брался Колчаком? Почему Ижевские рабочие перешли к белым? Почему мы имели в Сибирской губернии ряд восстаний?»⁶⁰, — спрашивал Лозовский. Отвечая на собственные вопросы, он говорил, что нужно сделать так, чтобы колчаковские банды продвигались во враждебной атмосфере, а не в атмосфере участия и сочувствия.

Критические замечания содержались и в ряде других выступлений. Так, Юзефович заявил, что арестовываются не только те, кто разрушает народное хозяйство путем забастовок, но и работники профессионального движения, стоящие вне политики. Он назвал члена профсоюза кожевников Грюнвальда, которого никак не удается освободить из ЧК. По мнению Юзефовича, нужно создать единый фронт борьбы, изменив линию поведения по отношению к рабочим и смягчив отношение к меньшевикам и эсерам⁶¹. Только что вернувшийся из Тулы В. Глебов заявил, что в Туле он не увидел разницы между меньшевиками и проходимцами.

В выступлении рабочего-печатника А.Б. Романова говорилось о необходимости отказаться от того способа избавления от политических врагов, который применяется большевиками. Он сообщил об аресте трех членов правления московского союза печатников только из-за их принадлежности к партии эсеров, без предъявления обвинений. В знак протеста в Москве бастовали рабочие типографий. А.Б. Романов заявил, что бороться с Колчаком нужно не для того, чтобы защитить комиссаров и Советскую власть, а во имя интересов рабочего класса, за которые шла борьба не один десяток лет.

Официальная линия действий ВЦСПС в связи с арестами, в частности печатников, прозвучала в выступлении М.П.Томского: «я буду просить и хлопотать, но требовать я не могу». В качестве примера, куда может завести профсоюзных лидеров выдвижение требований к власти, он привел забастовку в Туле⁶². О беспощадном подавлении забастовок было сказано и в заключительном слове Ленина. Отвечая на выступление А.Б. Романова, он заявил: «...что лучше — посадить

в тюрьму несколько десятков или сотен подстрекателей, виновных или невиновных, сознательных или несознательных, или потерять тысячи красноармейцев и рабочих? — Первое лучше»⁶³. По сути, это было провозглашение пресловутого лозунга «лес рубят, щепки летят». Он стал главным для всех действий большевиков, и с течением времени во имя социалистической идеи приносились все большие человеческие жертвы.

Тема арестов рабочих постоянно звучала и на представительных заседаниях местных рабочих организаций. Здесь выступали и беспартийные рабочие, отрицательно оценивавшие власть коммунистов. Так, в июле 1919 г. в связи с приближением военных действий к Саратову профсоюзы были объявлены на военном положении. Для определения плана действий было созвано объединенное заседание саратовских профсоюзов, членов правлений и заводских комитетов, на которое собрались около 280 представителей различных союзов. Участвовавшие в заседании рабочие указывали на привилегированное положение коммунистов, которые занимают тыловые должности, а на фронт отправляют беспартийных. Говорилось и о том, что рабочие запуганы арестами без предъявления обвинений, что выборы проходят под давлением коммунистов. «Нам говорят, что страшен Колчак, но страшны и те колчаки, которые имеются здесь. Нам говорят, тогда будет плохо, тогда будет худо, все это мы знаем, но не нужно быть Николаями и коммунистам. Иной комиссар, может быть, по несознательности делает зло, но он его делает рабочему классу»,⁶⁴ — отмечалось в одном из выступлений. Надо заметить, что подобные критические высказывания, несмотря на их позитивную направленность, уже в это время были небезопасны. Они квалифицировались органами ЧК как контрреволюционные и могли закончиться арестом. В соответствии с решением VIII съезда партии все коммунисты, независимо от места их работы, были обязаны сотрудничать с ЧК и сообщать о любых проявлениях недовольства Советской властью.

Центральное руководство профсоюзов являлось не только ходатаем за арестованных. Оно и само наказывало забастовщиков, выполняя партийные директивы. Одна из таких

директив, в частности, была дана Пленумом ЦК РКП(б) 25 марта 1919 г. в связи с событиями в Гомеле и выступлением рабочих Александровских мастерских в Москве⁶⁵. В ЦК отраслевых союзов также расследовались все крупные забастовки в отрасли. Кроме того, представители ВЦСПС входили в состав всевозможных трибуналов (Верховного трибунала, Особого ревтрибунала по делам спекуляции при ВЧК, реввоенжелдортрибуналов и др.). Представители профсоюзов в центре и на местах привлекались также к розыскным и следственным мероприятиям органов ЧК.

Масштабы забастовочного движения и его организованный характер вынудили профсоюзы к принятию специальных мер. В феврале 1920 г. при губотделах отраслевых профсоюзов начали создаваться комиссии по ликвидации беспорядков, стачек и проч. Их состав формировался комфракциями. При обострении ситуации для усиления деятельности комиссий привлекались все члены ЦК союзов. Они выступали на заводских собраниях, разъясняя особенности текущего момента.

Большое значение в антизабастовочной работе придавалось сбору информации от местных профсоюзных организаций. В ежемесячных сводках, поступающих в ВЦСПС, сообщалось не только о профсоюзной работе (количество проведенных собраний, численность и количество комфракций по союзам, количество комячеек на предприятиях и т. п.), но, главным образом, о политических настроениях рабочих. В них содержались сведения об отношении рабочих к Советской власти, к РКП, о том, какие вопросы их волнуют, о чем спрашивают на собраниях, о поведении спецов и отношении к ним партийных и беспартийных, о проведении субботников. Специальный пункт сводки был озаглавлен «Кто явно вредит и подрывает партийную работу из членов союза и в чем подрыв выражается». Отвечая на этот вопрос, коммунисты-члены профсоюзных комитетов сообщали списки подозрительных лиц, которые затем арестовывались. Тем самым уже в это время была создана благодатная почва для массового доноительства и арестов с помощью самой массовой организации в стране — профсоюзов. Кроме того, информация о настроениях рабочих регу

лярно поступала в ВЦСПС и по линии ВЧК. Руководство профсоюзов — один из постоянных адресатов госинформсводок ВЧК, в которых помимо сообщений о политнастроениях рабочих и забастовочном движении приводилась информация и о профсоюзной работе.

«Кто из нас не зарекается от ареста, не застрахован от репрессии не только в тех случаях, когда дело идет о трудящихся», — говорил Г. Зиновьев осенью 1920 г. — «Надо 10 раз подумать, прежде чем арестовать, а у нас 10 раз арестовывают, вместо того, чтобы 10 раз подумать...»⁶⁶.

Несмотря на все принимавшиеся меры репрессивного и разъяснительного характера, волна забастовочного движения не шла на убыль: по-прежнему материальное положение рабочих оставалось крайне тяжелым, а всевозможные мобилизации и повинности еще более его ухудшали. 24 января 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б), рассмотрев предложение ВСНХ повысить тарифные ставки для петроградских и московских рабочих, запретило ВСНХ и ответственным партработникам публично поднимать этот вопрос без предварительной санкции М. Томского.

Не менее остро, чем продовольственный, стоял вопрос об обеспечении рабочих одеждой. «Пойдите посмотрите по районам, на общих собраниях. Всякий одетый человек буквально вызывает ненависть... Порой становится стыдно, как помотришь на какого-нибудь коммуниста, что ты одет и обут. Из губерний, особенно из южных, где был Врангель, получаем вопли и настойчивые требования — одежды»,⁶⁷ — сообщал С. Косиор осенью 1920 г. о положении в Харькове, но это была типичная картина для всей страны. Положение было столь острым, что ВСНХ прорабатывался вопрос о закупке ширпотреба за границей⁶⁸.

Помимо 10-12-часового рабочего дня на заводах проводились еженедельные субботники или воскресники по погрузке дров. Для заготовки дров в Петрограде и Москве организовывались особые рабочие отряды, подобно продотрядам.

Нередко за счет бытовых условий рабочих решались производственные задачи. Так, общее собрание ячейки ком-

мунистов Ковровского пулеметного завода постановило: реквизировать электролампы в квартирах рабочих и служащих для использования на заводе.

На заводах военного ведомства существовали дома штрафной команды (т. е. тюрьмы), куда сажали рабочих за различные нарушения трудовой дисциплины.

Проводились всевозможные реквизиции у населения для нужд армии: седла, котелки, шинели и проч. Причем, сокрытие подобных вещей каралось Ревтрибуналом. Известно немало случаев, когда военкомы явочным порядком реквизировали посуду, мебель⁶⁴ и все, что находили полезным для себя из домашнего имущества.

Весной 1921 г. среди забастовщиков стали настойчиво звучать требования «свободы труда». Это не было меньшевистским требованием свободного спроса и предложения рабочей силы. Рабочие добивались упрощения перехода с одного предприятия на другое, выступали против принудительного закрепления и перебросок по усмотрению государства. Требование рабочих было поддержано и рядом профсоюзных лидеров. А.З. Гольцман обратился с письмом к Ленину, в котором просил поставить этот вопрос на обсуждение в СТО или ЦК, чтобы как можно скорее издать декрет о порядке перемены работ⁷⁰.

Опыт предшествовавшей экономической борьбы позволил руководству профсоюзов изменить политическую оценку стачки при пролетарской власти. В документах 1921 г. она определялась уже не как орудие борьбы с существующим строем, а как «средство экономического нажима на предпринимателей и хозяйственные органы с целью исправления их деятельности, идущей по тем или иным вопросам вразрез с общей политикой Советской власти и интересами пролетариата». В резолюции 5 съезда Всероссийского союза металлистов допускалась даже ситуация, когда профсоюз с санкции своего ПК может сам объявить стачку в госпредприятии⁷¹. Правда, практически это было не выполнимо. Предполагалось, что стачка будет объявлена, если руководство предприятием находится в руках представителей небольшевистской партии. В отношении стихийно возникающих выступлений профсоюз согла-

шался возглавить стачку при условии ее сугубо экономического характера. Была разработана схема действий в таких случаях: рабочие возвращаются к работе, а профсоюз ведет переговоры по поводу, с его точки зрения, справедливых требований. Если же рабочие не хотели идти на такой компромисс и настаивали на удовлетворении всех выдвинутых требований, тогда профсоюзная организация снимала с себя ответственность за последствия стачки и отходила в сторону. В отношении же стачек политического характера инструктивные материалы предписывали проводить резко отрицательную линию. Союз должен был любыми мерами, в том числе и репрессивными, сломать такую стачку. Была разработана четкая тактика действий профсоюзов и в отношении оплаты за время стихийно возникающих стачек. Независимо от позиции хозяйственных органов, профсоюзное руководство считало недопустимым поддерживать требование полной оплаты простоя. Самое большее, что мог поддержать профсоюз, это оплата, равная оплате за простой предприятия не по вине рабочих.

Позиция, занятая пробольшевистскими профсоюзами в борьбе рабочих за свои права, свидетельствовала о победе курса на огосударствление профсоюзов. В немалой степени этому способствовало истребление и вытеснение из профсоюзных организаций меньшевиков и эсеров. Большую роль сыграли комфракции и комъячейки, опутавшие партийной паутиной профсоюзы сверху донизу. Из многопартийной массовой организации профсоюзы превратились в часть однопартийно-государственного механизма, действующего по единым партийным директивам. Благодаря своему особому положению профсоюзы первыми почувствовали сопротивление и неприятие со стороны рабочего класса установившегося режима. Защищая позиции государства, поддерживая и участвуя в его репрессивной политике, профсоюзы не могли пользоваться доверием у рядовых членов. Расхождение интересов привело к массовому выходу из профсоюзов по всей стране.

Примечания:

1. ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 2. Д. 31. Л. 25.
2. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 56. Л. 4-7.
3. Там же. Д. 126. Л. 61.
4. Там же. Л. 69.
5. Независимое рабочее движение в 1918 году. Док. и мат. Париж, 1981. С. 296.
6. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 126. Л. 18, 136.
7. Там же. Л. 100.
8. ГАРФ. Ф.5451. Оп. 2. Д. 31. Л. 55.
9. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 126. Л. 85.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 66. Д. 66. Л. 44.
11. Очерки истории Астраханской парторганизации. Волгоград, 1971. С. 213.
12. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 66. Д. 73. Л. 48.
13. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 205. Л. 41.
14. Экономическая жизнь. 1919. 30 апреля.
15. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 66. Д. 42. Л. 64.
16. Там же. Д. 73. Л. 48 об.
17. Там же. Л. 51, 46.
18. Там же. Д. 66. Л. 143.
19. Там же. Л. 120 об.
20. Там же. Л. 83.
21. РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 21. Л. 46.
22. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 66. Д. 73. Л. 52.
23. Там же. Оп. 112. Д. 7. Л. 23.
24. Там же. Л. 30 об.
25. Там же. Л. 46.
26. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 205. Л. 24-26, 29, 61.
27. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 66. Д. 84. Л. 3 об.
28. Там же. Оп. 84. Д. 17. Л. 33.
29. Там же. Л. 4.
30. Там же. Л. 21.
31. Там же. Д. 42. Л. 7.
32. Там же. Л. 1.
33. Там же. Оп. 66. Д. 59. Л. 171 об.
34. Там же. Оп. 112. Д. 3. Л. 9.
35. Там же. Оп. 66. Д. 59. Л. 168 об.
36. Там же.
37. Там же. Л. 167.
38. Там же.

39. Там же. Оп. 112. Д. 3. Л. 17.
40. Там же. Оп. 66. Д. 59. Л. 167.
41. Там же. Ф. 95. Оп. 1. Д. 2. Л. 61-62.
42. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 191. Л. 7.
43. РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 1302. Л. 35, 36.
44. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 12. Л. 4.
45. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 143. Л. 61.
46. РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 1346. Л. 63.
47. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 143. Л. 32.
48. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 23. Л. 12.
49. Там же. Оп. 112. Д. 99. Л. 31.
50. Там же. Оп. 84. Д. 56. Л. 43.
51. Там же. Л. 43-45.
52. Там же. Оп. 112. Д. 88. Л. 2. 18.
53. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 24. Л. 24 об.
54. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 229. Л. 1.
55. I Всероссийский съезд профсоюзов. Стеногр. отчет. М., 1919. С. 364.
56. ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 2. Д. 219. Л. 7 б.
57. Там же. Л. 9.
58. Там же. Оп. 3. Д. 238. Л. 4.
59. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 290, 291.
60. ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 3. Д. 29. Л. 94-95 об.
61. Там же. Л. 98.
62. Там же. Л. 100.
63. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 295. По данным, сообщенным Дзержинским на Пленуме ЦК РКП(б), 13 апреля в Москве было арестовано 55 правых эсеров и 16 меньшевиков ВЧК и 22 по районам. Условием освобождения для них было подписание обязательства не выступать публично с критикой Советской власти, отказаться от всякой общественной деятельности, выйти из состава правления профсоюза и из членов РСДРП. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 16. Л. 2; Ф. 17. Оп. 84. Д. 42. Л. 2).
64. ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 3. Д. 62. Л. 10 об.
65. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 15. Л. 3.
66. Там же. Ф. 95. Оп. 1. Д. 17. Л. 52, 53.
67. Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 97. Л. 7.
68. РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 1354. Л. 20.
69. РГВА, Ф. 55. Оп. 1. Д. 56. Л. 48.
70. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 972.
71. Там же. Ф. 99. Оп. 1. Д. 14. Л. 39.